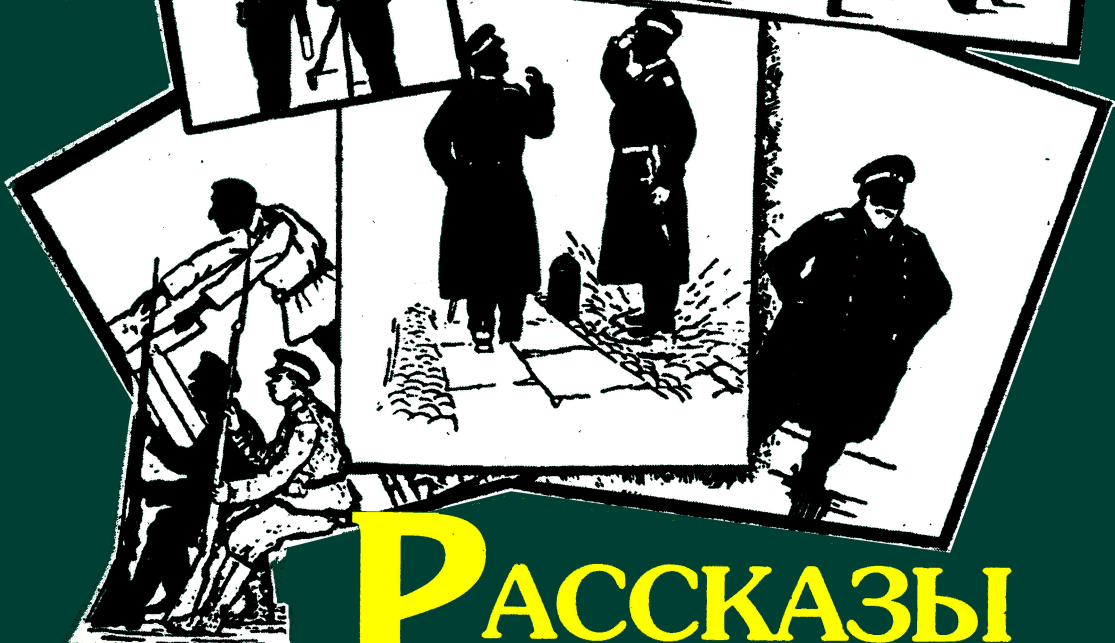

РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА
КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКА
КНИГА РЕДКАЯ КНИГА

Купить книгу "Откровенные рассказы полковника Платова о знакомых и даже родственниках. Записки прапорщика"

ОТКРОВЕННЫЕ

РАССКАЗЫ

РАЗГОВОР О ЧЕСТИ

1

Сорочинского драгунского ее императорского высочества великой княжны Анастасии Николаевны полка штаб-ротмистр Энгельсов, отгоняв смену, шел домой. Он был хмур и даже нервен, что вовсе уже не полагается порядочному офицеру. Впрочем, основания к такому настроению были достаточные.

.
Честь!

Полковой командир именно так и выразился. Честь мундира. И потрудитесь в три дня это дело покончить.

В три дня. Легко сказать. Это же не дуэль: отмеряли шаги, подошел к барьеру и выпалил. А там попал не попал, все равно: честь — восстановлена. И даже битый по физиономии снова становится небитым.

Будь дуэль — было бы просто. Но здесь надо без промаха. Потому что дело — по-настоящему, о всей жизни. И не только своей. Если будут дети — о них. И о внуках. И о правнуках.

Честь. Имя.

Улица, пустая и пыльная, волоклась штаб-ротмистру под ноги узкой и щербатой панелью, цеплявшей каблук углами растресканных плит. И небо было пыльное, каких-то небывало грязных тонов. Скверно на небе, скверно на земле, скверно на сердце.

Анафемство.

Навстречу, вихляя из стороны в сторону, шел пьяный: мастеровой по обличью. Энгельсов ту же сдвинул брови и сдержал широкий и сердитый свой шаг: только что случай был, с корнетом фон Дрейфельсом, его же полка. Так же вот точно на улице встретился с пьяным — как после оказалось, по акту судебно-медицинского вскрытия, сапожником. И так как офицеру не подобает кому-либо уступать дорогу, а сапожник от спиртного восторга пришел в забвение чинов и отличий, они столкнулись грудь в грудь. Корнет, конечно, сшиб мастерового, как броненосец шалан-

ду, но тот, падая, зацепил корявыми пальцами серебряный офицерский погон, касаться которого, не оскорбляя чести мундира, может, как известно, только женская ручка во время вальса или при поцелуе. По счастью, корнет не растерялся и тотчас же рубанул со всего плеча по картузу — так что в протокол сапожника записали уже мертвеньким. Взыскания на Дрейфельса наложено не было — даже церковного покаяния, как полагается после убийства во время дуэли, — поскольку офицер по чести своей обязан на оскорбление мундира отвечать оружием. Но полковой командир все же приказал господам офицерам избегать по возможности столкновений подобного рода, дабы не давать повода разным там радикалишкам разводить преступную агитацию, как случилось это после смерти сапожника: хотя революцию и приглушили, вполне очевидно, — время все-таки смутное.

Между тем, пока он соображал о Дрейфельсе и приказе, мастеровой, мотаясь на коротких и непокорных ногах, надвигался все ближе и ближе: отчетливо стал виден передник с нагрудником, измазанный охрой и синькой. Тою же охрой покраплен картуз. Маляр, очевидно.

Улица была пуста. И оттого, должно быть, что вокруг не было никого — ни души, ни единого постороннего глаза, — штаб-ротмистр подумал лениво: а может быть, перейти на ту сторону? Черта ли тут с ним связываться. Подумал, но тотчас же страхнул недостойную эту мысль, брезгливо, как заползшую в казарме с солдата вошь.

Уже шагах в десяти всего мигал на трясущейся голове облупленный козырек над бледным, голодным, худым, заросшим лицом; из-под картуза — космы нестриженных, нечесанных, свалывшихся в войлок волос. И ясно представилось: взвизг клинка — и красный рубец на виске. Будущее как бывшее.

Потому что — было уже. Площадь, толпа, рабочие картузы (они, рабочие, все ж на одно лицо и на один картуз — вот эдакий, вскоробленный и замызганный), синеколышные студенческие фуражки, бабы платки — и красные, красные флаги над рядами, и песня:

Вставай, подымайся...

Эскадрон развернулся.

— Шашки — вон!

По толпе дрожью отдалась офицерская — его, штаб-ротмистра Энгельсова, — команда, флаги зашатались над головами, кто-то взвизгнул, кто-то с краю уже побежал.

Но какой-то... белокурый, бледный, остробородый (это уж он увидел потом), в облезлой шапке, меховой, не по сезону, в пид-

жачишке поверх черной косоворотки, — агитатор, вождь... выскочил вперед, завернулся лицом к толпе, поднял руку:

— Товарищи!

— Эскадрон, равнение на середину, середина за мной, марш-марш!

.

Лицо у самого стремени. Повод — на себя. Взвизг шашки. И рубец, на виске, красный.

Лицо было белокурое, бледное, остробородое.

Штаб-ротмистр положил ладонь на эфес: лицо маляра маячило перед глазами. От холодной рубчатой рукоятки сразу стало тупо в голове той спокойной и ровной тупостью, что бывает перед атакой.

Но маляра неожиданно качнуло вправо, как ветром снесло, — к самому краю панели. Рванный башмак зацепил за грязную тумбу, и тело тяжелым размахом грохнулось на мостовую: коленками, плечом и виском.

Штаб-ротмистр прошел, вспятив грудь, мерно печатая шаг, как на высочайшем смотру.

Рука отпустила эфес. И снова, тотчас же, — мысль. Опять та же: о чести. О разговоре с полковым командиром.

Вызван он был к командиру позавчера. И не успел отрапортовать: «Честь имею...», как полковник прервал, очень официально и сухо:

— Вам известно, я полагаю, ротмистр, что такое честь мундира?

Вопрос был по меньшей мере странным: кто из господ офицеров может не знать, что такое честь мундира и вообще офицерская честь?

— Так точно.

Голос полковника стал еще официальной и строже:

— А вам известно, что честь мундира не допускает ни малейшего даже соприкосновения с так называемой революцией?

Энгельсов еще более удивился. Не только за себя, но и за младших своих офицеров он мог головой поручиться: никакого соприкосновения.

— Так точно.

Полковник пошевелил усами с подусниками, как у «блаженных пажити» императора Александра Второго, и вытащил из-под пачки бумаг небольшого формата, на тонкой бумаге газету. Он указал Энгельсову, озлобленно и брезгливо, отточенным и холеным ногтем на заголовок:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КАЗАРМА

и перебросил страницу:

— Прошу. Извольте полюбоваться.

Начальственный палец с золотым гербовым перстнем уперся в строку, жирно подчеркнутую синим карандашом. Штаб-ротмистр нагнулся и прочитал:

«...Карл Маркс и Фридрих Энгельс...»

Он, пожалуй, не сразу бы разобрался, в чем, собственно, дело, но на полях против фамилии Энгельса было тем же синим карандашом приписано: «ОВ!» — с восклицательным знаком. И сразу все стало понятным:

Энгельс. Энгельс-ов.

Полковник сказал беспощадно:

— Извольте дальше читать: «Основоположники революционного марксизма». Вы понимаете: «Осно-во-положники!»

Энгельсов шевельнул губами, чтобы доложить, что это — случайное совпадение и отец его, из остзейских дворян, был действительным статским советником и достаточно крупным помещиком, но полковник не дал сказать:

— Полагаю, излишне указывать, что честь мундира не допускает в списках полка фамилии, однозначущей фамилии беглого каторжника. Кем еще может быть этот Энгельс, ежели он «основоположник»? В Российской императорской армии не может быть Энгельсов, а стало быть, и Энгельсов-ых.

Он пристукнул для убедительности перстнем по бронзовому пресс-папье. Штаб-ротмистр пробормотал:

— Но ведь до сих пор... и в училище, и в полку...

— До сих пор! — воскликнул полковник. — А кто из нас, в армии, знал «до сих пор» — до этой вот большевистской нелегалщины, что существует такой-эдакий Энгельс? И можете вы поручиться, что это имя не растрелят по всей Российской империи? С них станется, с социалов... Их вешают, а они все-таки — извольте видеть — печатают... Вы хотите дожидаться, пока об этом позоре будут знать все?.. Вам ясно, надеюсь, что вы должны сделать?

— Подать в отставку, — глухо сказал Энгельсов и закрыл глаза.

Полковник смягчился: это сразу можно было определить по голосу.

— Вы всегда были прекрасным офицером, Энг... э... э... э... — Полковник споткнулся на слове, и голос его опять стал сухим. — Скажу откровенно, мне вовсе не хочется вас отпускать из полка, тем более перед скачками. Мы твердо рассчитываем, что вы играете полку переходящий кубок на четырехверстной барьерной. Ваше решение — делает вам честь. Но ведь для такого офицера, как вы, уйти из кавалерии — самоубийство.

— Самоубийство, — подтвердил Энгельсов и еще крепче зажал глаза. — Но другого выхода нет.

— Есть! — веско сказал полковник. — И я отечески вам его укажу.

Штаб-ротмистр открыл глаза. Полковник сделал многозначительную паузу, подчеркивая значимость предстоящего:

— Перемените фамилию.

Энгельсов дрогнул.

Переменить фамилию? Перестать быть тем, что он есть? Потому что имя — это и есть человек.

Он пробормотал:

— Переменить?.. Но... мой отец... и мой дед...

— Бросьте! — Полковник дружески положил руку на рукав Энгельсова. — Между нами! Если бы вы носили, как я, фамилию Собакина, тогда, конечно, другое дело: древний боярский род, родство с царями, хотя и по женской линии, славнейший герб! Но вы же из остзейских дворян — между нами, дорогой! — это не такая уж высокая марка, чтобы за нее держаться...

Энгельсов вспыхнул:

— Полковник...

Полковник нахмурился. И голос снова, как в начале разговора, стал резок и сух.

— Я не говорю уже о том, что и помимо крамолы, — он опять стукнул перстнем, — немецкая в корне фамилия может также возбудить... Особенно в связи с весьма вероятной войной с Германией... Но мое дело было дать, отечески, совет. Решать — ваше дело.

Он кивнул, показывая, что аудиенция окончена. У Энгельсова похолодели пальцы:

— Я подам рапорт... о перемене...

Собакин подвинул через стол листок:

— Пишите. Прошение надо подать на высочайшее имя. По команде, конечно. Вы знаете форму?

— Так точно. Но... господин полковник, я не могу... сразу. Ведь надо — найти. Фамилия, это же... это же — надо подумать...

Полковник поморщился:

— Хор-рошо. Подумайте. Но — быстро. Во всяком случае, не позже как через три дня дело должно быть кончено. Это крайний срок: в вечер этого дня в полку не должно быть штаб-ротмистра Энгельсова. На это у меня имеются *особые* основания. Можете идти.

Энгельсов хотел спросить — какие, потому что лицо полковника приняло особо значительное выражение, но Собакин движением руки оборвал разговор и, только когда штаб-ротмистр был уже в дверях, добавил, в напутствие:

— Только не подцепите опять какого-нибудь... однофамильца. И не покушайтесь на старые дворянские фамилии... Департамент герольдии в этих случаях строг.

Не подцепить. Старых не трогать.

Выходило почти так же, как в детской игре: «Барыня прислала сто рублей. Что хотите, то купите, «да» и «нет» не говорите. Черного и белого не покупайте».

И, как в детской игре, именно потому что запрет, упорно и неотвязно навертывалось на память «черное и белое»: Репнин, Шереметев, Суворов, Македонский. И в обратную сторону, совсем уже по-дурацки: Пафнутьев.

Откуда его возьмешь — хорошее дворянское имя? Хорошие имена давным-давно поразобраны.

Когда он подарил Матильде Васильевне, прима-балерине городского театра, шпица-щенка, они с ней вдвоем чуть не неделю придумывали имя, хотя с собакой, в сущности, можно не церемониться.

И придумали в конце концов очень обыкновенное: Трезор.

Трезор. Трезор-ов.

Нет, не подходит.

Проще и надежнее всего, конечно, было бы взять что-нибудь из военного, из офицерского, быта... Но, приставляя к вещам и делам военного обихода «фамильные» окончания — ов, ин, ский, Энгельсов, к немалому своему удивлению, убедился, что получается неблагозвучно:

— Адъютантов — мелко; Эксельбантов — даже смешно, точно для комедии; Шпорин — чем-то неприлично; Шенкелев — почему-то на еврея похоже; Голенищев — нельзя, есть князь Голенищев-Кутузов; Пушкин — тоже есть; Стремячев, Мундштукин, Вальтрапский, Трензелев...

Трензелев — еще ничего. Трен-зелев. Подзванивает, как шпорой. Но — не солидно. Для корнета еще куда ни шло. Старше — не годится.

Три дня неотвязно, слово за словом, вещь за вещью, на что ни посмотришь — ов, ин, ский.

— Плац, помет, корда, кобыла...

Ничего подходящего. Сколько слов в языке — и все ни к черту. Порядочного имени не подобрать — для офицера!

— Корнет, кларнет, арбалет, кабриолет, шарабан, барабан...

Чем ближе к сроку, тем напряженнее работала голова, тем быстрее перебирались слова. С ума сойти.

Вот и сейчас, на улице, едва разминулся с мастеровым — опять замелькало:

— Панель. Шинель. Тумба. Фонарь. Извозчик. Разносчик. Лоток. Желток. Бульдог. Щенок. Собака...

Кобелевым, что ли, назваться?.. В пику Собакину.

Энгельсов шарил глазами по сторонам. Энгельсов задерживал шаг, оттягивая возвращение домой. Дома — ничего не придумалось. Дома — безнадежно: он уже в первый день перебрал все вещи — от иконы и до урыльника.

Но медленный шаг — все-таки шаг: дошел.

Дверь. Войлок. Клеенка. Кнопка. Попка. Бобка.

Скрипнув зубами, штаб-ротмистр вложил американский ключ в замок. Отпер.

Скважина. Ключ. Ключарев. Ключников. Америка. Колумб. Фрегат. Дамба. Амба.

Штаб-ротмистр ощутил неожиданную слабость в ногах. От этой капли имен (именно так: сначала был — марш, потом — вихрь, буран, хаос, ливень, потом пошла медлительная, слякотная капель) он вдруг осознал, ясно, до страха, до жути, что он сейчас — безымянный. Что старое имя за эти три дня ушло — уже не вернуть нипочем, — а нового нет. А стало быть, нет и его. Есть мундир — под мундиром чье-то тело. Безымянное. Чье-то. Неизвестно чье. Это было очень, до последней точки, страшно. Он остановился и уперся рукой в стену, чего с ним не случалось даже после трехдневной товарищеской выпивки.

— Придумать. Сейчас же. Или...

За кухонной дверью, около которой застыл в безнадежном творческом напряжении Энгельсов (ведь все уже перепробовано: ко-ри-дор, то-реа-дор, пол, потолок, крюк, Крюкин, Крючков, Круковский), ширкала сапожная щетка по шершавому голенищу и голос, баритонный, довольно приятного тембра, курлыкал достаточно, впрочем, громко:

Еще светлеется, расстилается полынью горькая.

Ох и нет тебя горче во чистом поле,

А еще того горче — служба царская...

Энгельсов опознал голос своего денщика. Песня была явно крамольная. Это сразу привело штаб-ротмистра в ранжир. Он крикнул:

— Вихрев!

И тотчас жгучая зависть цепко схватила за горло. Дана же скотине фамилия, красивее не измыслить!

Вихрев. Вихрь.

В раскрывшейся двери, спустив руки по швам — в одной щетка, в другой сапог, — стал коренастый и курносый парень в гимнастерке с синими погонами. Энгельсов ударил кулаком, ставшим втрое тяжелее обычного, Вихрева в зубы, так что сразу забурела кровью белая перчатка.

— Стало быть, как, по-твоему? Царская служба — полынь, сукин сын? — И запнулся.

Полынь. Полюнов. Полюнин.

Он отряхнул руку и прошел к себе в комнату.

А, кажется, так и в самом деле будет неплохо... И на звук, и по смыслу.

Штаб-ротмистр Полюнин.

В самом деле — неплохо.

Штаб-ротмистр Полюнин.

Полковник Полюнин.

Генерал от кавалерии Полюнин.

Он исчеркал целый лист подписями, подыскивая новый росчерк: старый, энгельсовский, конечно, уже не годился: стиль совершенно другой. И росчерк нашелся. Вполне несомненно: фамилия выдерживала всяческое испытание: помимо смысла и звука она была приятна, так сказать, и на вид, и на ощупь.

Энгельсов повеселел. Он даже прошелся по комнате тем значительным и вместе с тем игривым шагом, с подзваниванием шпорой, каким подходят на балу к хорошенькой женщине, чтобы ангажировать ее на мазурку.

Штаб-ротмистр Полюнин...

Даже странно, до чего фамилия подошла сразу: ему казалось уже, что он всегда именно так назывался. Какой черт, недоразумением каким — прилепил ему, Полюнину, каторжную фамилию Энгельсов?

Теперь, живым манером, — рапорт.

Присвистывая, он подсел к столу, аккуратно оторвал четвертушку бумаги — как всегда делал для рапорта, — но тотчас же вспомнил, что на высочайшее имя полагается писать на целом листе, в знак верноподданного благоговения.

«Всепресветлейшему, державнейшему...»

Штаб-ротмистр писал, тщательно, по-писарски выводя буквы. Он дошел уже до последней строки, установленной формы: «Припадая к священным стопам Вашего Императорского Величества...» — и очень ясно почему-то представил себе гусарский его величества сапожок (Николай Второй, как известно, предпочитал именно лейб-гусарскую форму), когда — быть может,

именно от этого отвлечения — мозг неожиданно ожгла ошеломляющая мысль:

— А что, если у «тех», у революционеров, есть Полюнин? И что, ежели он еще хуже этого — Энгельса?

Радость сникла сразу. Неужели опять начинать все сначала?

Исписанный «Полюниным» лист дразнился начертанием росчерков. Сомнений быть не могло: росчерки были внушительны и благородны. Не придумать более благородной, более отвечающей чести мундира фамилии: Полюнин.

С такой фамилией можно и в генерал-адъютанты, и в Свиту Его Величества:

АРДАЛИОН ВИКЕНТЬЕВИЧ
ПОЛЫНИН.

Свиты Его Величества генерал-майор

По существу говоря, конечно, не может быть революционера с такой фамилией. А впрочем — черт их знает... Чего с них не станется. Где бы проверить?

Штаб-ротмистр задумался.

В полку справиться не у кого, очевидное дело. Знакомых тоже подходящих нет никого.

Раздумье Энгельсова было долгим. Потом он встал, приказал Вихреву подать шинель, взял стек и вышел.

2

Драгуны по здешнему гарнизону — провинциальному — как бы на положении гвардии. Цветная фуражка, четыре звездочки на погонах, стек. Начальник жандармского управления принял господина штаб-ротмистра незамедлительно, вне всякой очереди:

— Чем могу служить?

Штаб-ротмистр изъяснил кратко, что имеет поручение от командира полка — по встретившейся служебной надобности — навести справку о некоем Полюнине: кто он именно и в чем точно заключается политическая его неблагонадежность.

Полковник сощурился, припоминая:

— Полюнин? Не слыхал.

У Энгельсова отлегло от сердца.

— Впрочем... Сейчас мы наведем исчерпывающую справку.

Полковник нажал кнопку — и тотчас предстал, колыша на синей груди красный, туго плетенный эксельбант (Эксельбантов, Адъютантов... Энгельсов внутренне усмехнулся: проехал!), жандарм с тройным подбородком.

Полковник приказал отрывисто:

— Сковорцова! — И протянул штаб-ротмистру серебряный, с вензелями портсигар: — Курите?

Сковорцов, в вицмундире, вошел трусцой, лисьемордый и как будто припудренный, хотя предполагать пудру, конечно, никак было невозможно, ни по чину вошедшего, ни по возрасту. Полковник спросил:

— Полюнин?

Лисьемордый ответил без запинки:

— Не числится.

Полковник кивнул головой удовлетворенно:

— Не за нами... а вообще?

Сковорцов помедлил секунду:

— Никак нет. Вообще не числится. Ни по социал-демократам, ни по социалистам-революционерам, ни даже по анархистам.

Полковник обратился к Энгельсову:

— Сковорцов у нас специалист. Всех до последнего знает — кто, где и как. Ежели он не знает, стало быть, никакого Полюнина нет. Вас, очевидно, ввели в заблуждение.

Сковорцов повернулся и на цыпочках пошел к двери. Энгельсова осенило. Он привстал:

— Виноват...

Чиновник остановился.

— Уж раз так случилось, что я вас обеспокоил, разрешите еще спросить: кто такой Энгельс?

Полковник блеснул глазами:

— Энгельс? Когда арестован?

— Не могу знать, — скромно сказал штаб-ротмистр и даже развел слегка руками. — Собственно, я... как бы так выразиться, не вполне уверен, что он арестован.

— Если известен — стало быть, арестован, — убежденно сказал полковник. — Иначе как бы он стал известен? Впрочем, может быть, у вас есть данные, что он пока находится еще под секретным наблюдением? Как у вас на этот счет, Сковорцов?

Он обернулся к двери. Но Сковорцова не было: он как-то совсем незаметно вышел. Полковник крикнул и покачал головой:

— Странно. Очевидно, и этот... не числится... А у вас откуда, собственно, сведения об означенных... Полюнине и Энгельсе?

Небольшая на тонкой бумаге газета. Четкий черный заголовок: «Казарма». Жирно подчеркнутая строка. Энгельсов сказал — даже не без иронии (Сковорцов совершенно его успокоил):

— Я полагал... вам известно. Об Энгельсе — напечатано было в «Казарме».

— Р.С.Д.Р.П. Большевицкая военная организация? — подозрительно сказал полковник и скосил глаза на Энгельсова. Шея

и лицо стали наливаясь кровью, и весь он встопорщился, как индюк. — А разрешите спросить, как вам эта мерзость в руки попала?

— Полковой командир указал, в качестве вещественного доказательства. Я имел уже честь доложить: имею служебное поручение...

— У командира? — Полковник сразу стал снова благодушным. — Достойный штаб-офицер — полковник Собакин. Так вы говорите — в «Казарме»? Странно, что Скворцов просмотрел. Может быть, Энгельс значится у нас под какой-нибудь другой фамилией? Эти ж господа, даже как правило, меняют фамилии: обычный бандитский прием. Порядочный человек разве станет менять фамилию?!

Он сморщил лоб, соображая:

— Если дело в большевистской военной... возникает некоторое осложнение. Должен признать: мы знаем о ней не все. У этих... господ — преподлое обыкновение: не давать показаний при допросах.

Энгельсова снова охватило беспокойство:

— Но... в таком случае — как узнать...

Полковник смотрел на Энгельсова пристально и меланхолично:

— Задача... тем более трудная, что и Польшин, и Энгельс, очевидно, офицеры: это — не простонародные фамилии.

Энгельсов слегка покраснел от удовольствия. Польшин, стало быть, найден верно, да и Энгельс, судя по жандармской апробации, тоже из порядочной семьи.

— Неужели... и следов никаких?

Жандарм вздохнул:

— След-то есть, конечно. Вы мне «Казармой» напомнили... Я теперь положительно даже могу сказать: об этом Энгельсе я что-то слышал... И как раз в связи с Польшинным... Но вот что именно?

У штаб-ротмистра опять, как давеча, в разговоре с полковым командиром, похолодели пальцы.

— Припомните, господин полковник... Совершенно необходимо.

— И рад бы... — медленно проговорил жандарм. — Но...

— Может быть, Скворцов...

Полковник усмехнулся:

— Скворцов не ведает военными. Военными ведаю непосредственно я...

Наступило молчание. Полковник думал сосредоточенно.

— Как бы мне вам помочь... — Он опять помолчал. Взгляд стал еще более пристальным и острым. — По большевистской линии — как я уже имел честь сообщить — мы ничего не добьемся... Разве что... попробовать, так сказать, обходным движением... Всецело полагаясь на вашу честь...

Энгельсов поспешно наклонил пробор и пристукнул шпорами, с должным достоинством. Полковник перегнулся через стол и прошептал:

— Поручика Гагарина изволите знать?

— Сапера? — Штаб-ротмистр невольно перешел на шепот и тоже перегнулся навстречу полковнику. — В гарнизонном собрании встречал, но чтобы личное, так сказать, было знакомство...

— Я полагаю, именно он может вам дать достоверные сведения... Под строгим служебным секретом скажу: имеется подозрение, что оный Гагарин — активный член Офицерского союза.

Полковник откинул корпус назад. Тотчас же выпрямился и штаб-ротмистр:

— Офицерский союз? Разве он... действительно есть?

Жандарм скривил рот:

— По-видимому... есть. Вам разве не приходилось видеть их прокламаций. И даже... журнал издают. Но сколько их и кто именно?..

Он досадливо потянул за угол лежавшую на столе газету:

— Вот-с, в этом номере «Нового времени» от десятого сего мая господин Суворин, редактор, ставит нам, Охранному, на вид: как это, дескать, такая огромная организация, как Офицерский союз, существует уже два года — по его, господина Суворина, сведениям — и до сих пор не раскрыт, хотя все военные восстания будто бы шли по его директивам. Насчет огромности — это, конечно, у страха глаза велики, а насчет восстаний — брехня очевидная: и в Свеаборге, и в Кронштадте, и в Севастополе, и в Киеве большевики орудовали, это достоверно. Партийные, словом... Ну, и союз, вероятно, тоже, как говорится, рублем примазался... Но чтобы руководить — это, конечно, брехня. На некий след мы напали... Однако, как офицер, вы понимаете сами: в офицерской среде нам трудно поставить агентуру. А наружное наблюдение одно дает слишком мало.

Энгельсов моргнул усом, прикрыв самодовольную усмешку. Жандармское положение действительно трудное. Офицер не станет марать свою честь сыщицким делом. Вышибить из полка офицера — ежели он проявит несовместимое с долгом присяги — это само собой разумеется, но доносить на офицера офицеру, путать жандармов в дела офицерской чести — нет! Охранное — грязное дело, хотя и высокого государственного значения, конечно. И сам он разве сидел бы здесь, у жандарма, да еще со всей почтительностью, ежели бы не крайняя необходимость.

— Во всяком случае, Офицерский союз в связи со всеми партиями — это мы знаем, и вожаки, конечно, все друг с другом знакомы. В частности, о Гагарине имеется — вспомнил я! — определенное указание, что он в прямых сношениях с Энгельсом и Пылыниным. Обратитесь к нему, это сразу разрешит дело.

— Но мы же... едва знакомы, — пробормотал Энгельсов. — С какой стати он мне скажет? И как мне объяснить, почему, собственно, я именно к нему обратился?

Полковник оправил мизинцем усы:

— Ну, это-то просто устроить. Скажите, что вы из ихних... Союзный.

— Я? — Энгельсов остолбенел от одной мысли о возможности. — Чтобы я, офицер кавалерии, и притом шефского, императорского высочества полка... допустил хоть на секунду подумать о себе, будто я...

— Кто подумает? — Полковник поднял брови высоко и недоуменно. — Простите, ротмистр, я не вполне понимаю, что вас смущает... Но, конечно... дело ваше. Другого пути, к сожалению, нет.

Энгельсов закусил ус:

— И к тому же... Я ничего не понимаю в политике... и не смогу вести никакого — как это выразиться? — социального разговора. Он же сразу узнает.

Жандарм усмехнулся снисходительно:

— Обойдется. Насчет социального — все офицеры слабы. На этом не ушибешься... Ругните покрепче начальство и даже хотя бы Его Императорское Величество! Об Ее Императорском Величестве государыне императрице скажите какую-нибудь похабщину... посолоней. Наверно, слышали о ней таких рассказов — не обораться... Конечно, я понимаю, насколько это претит чувству верноподданного, но в интересах службы такая невинная, в конце концов, хитрость — простительна.

— Не поверит, — потряс головой Энгельсов.

— Если он — как вы говорите — в союзе и даже... с Энгельсом... Не поверит. Потребуется доказательств. У них, наверно, есть какие-нибудь, так сказать, удостоверения с места службы.

— В этом вы, пожалуй, правы, — раздумчиво сказал полковник. — Я полагал, что, поскольку он вас все-таки лично знает, можно обойтись и без удостоверений... Но и в этом случае, пожалуй... мы придем вам навстречу... поскольку... у вас — поручение по службе...

Он выбрал из пачки лежавших перед ним дел одно, в новенькой синей обложке, с надписью, которой не успел прочесть Энгельсов. Развернул, полистал, взблескивая золотым гербовым перстнем, вздетым, по-собакински, на указательный палец, подшитые в деле бумаги.

Энгельсов следил, скосив глаза. Письма с конвертами, протоколы. Опять письма. Палец полковника уперся тупым подровненным ногтем в подчеркнутую жирно, синим строку.

— Когда вы придете к нему, скажите: «Доктор просил узнать о здоровье». Он спросит: «Чьем?» Отвечайте: «Марианны».

— Пароль и отзыв. Как у нас?